

Не на приёме

КИРА СИ

18+

Кира Си

Не на приёме

«Автор»
2026

Си К.

Не на приёме / К. Си — «Автор», 2026

Он отказывается целовать её, пока на бланке стоит его фамилия. Она не уговаривает в кабинете. Ждёт, пока запястье заживёт, и приходит уже не пациенткой. Тогда он показывает, что умеет не только беречь сустав.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Кира Си
Не на приёме

Глава 1

Осмотр

Кабинет пах мылом и металлом. Дверь не заперта. За стенкой медсестра называла фамилии так, будто день ещё длинный и никому в нём не положено оставаться дольше положенного.

Ева села, куда кивнули. Тридцать. Преподаватель фортепиано. Запястье после падения с лестницы в училище: не героически, на ровном, когда каблук решил иначе, чем нота. Боль была тупая, своя, без романтики. Халат на ней больничный, бумажный, на голое плечо. Под ним платье, которое она выбрала утром не для врача. Это она поняла уже здесь и от этого стало жарче, чем от боли.

Лев вошёл без спешки. Тридцать девять. Травматолог. Руки вымыты, рукава закатаны, взгляд на карту, потом на запястье, не на декольте. Это она отметила сразу и почему-то разозлилась на себя за отметку.

— Ева, — сказал он. Не вопрос. Имя из карты. — Покажите, где больно. Не всю руку. Точку.

Она ткнула. Он сел напротив, ближе, чем хотелось для покоя, и взял запястье двумя пальцами. Тепло. Не ласка. Проба.

— Здесь?

— Да.

— Сожмите мои пальцы. Насколько можете. Не через зубы.

Она сжала. Боль кольнула. И ещё кое-что, глупее боли: его пальцы были сухие, сильные, и она почувствовала, как краснеет от того, что держит мужчину за руку в кабинете, где это не значит ничего, кроме связок. Пульс ударил в то место, которое он как раз слушал. Не только от боли. Она это знала. Прятать до конца не стала: глаза не отвела, когда он поднял свои.

Он увидел. Не улыбнулся победой. Лицо осталось ровным, как у человека, который уже решил не брать лишнего.

— Боль есть, — сказал Лев. — Отёк умеренный. Перелома по снимку нет. Связки злятся. Острый период я доведу сам: фиксация, контроль, что нельзя делать за инструментом. Потом передам вас коллеге.

Пауза. За стенкой кто-то кашлянул. Дверь по-прежнему не на замке.

— Не потому что вы неприятны, — добавил он тем же голосом, которым говорил про отёк. — Потому что я уже думаю не о связках. И пока вы моя пациентка, я вас не трону так, как хочу. Это не флирт на кушетке. Это граница. Если она вам не нужна, коллега примет вас сегодня. Если нужна, остаётесь до конца острого. Руки мои на приёме только врачебные. Всё остальное не здесь и не пока я в вашей карте.

Ева выдохнула. Бумага халата шелестела на колене. Желание никуда не делось: сидело в горле, в том, как его большой палец ещё лежал на её пульсе и уже не искал там диагноз. Но спорить в этом халате она не стала. Халат был не место для «а если».

— Хорошо, — сказала она.

Первое «да» в этом кабинете было не телу. Границе.

Он кивнул. Убрал руку. Не задержал. Фиксатор наложил коротко, объяснил, что можно, чего нельзя, когда контроль. Голос не стал мягче от её согласия. Мягче ему было нельзя: мягкость здесь легко спутать с разрешением.

— Через три дня, — сказал Лев. — Сюда же. Дверь будет открыта. Если к тому времени я пойму, что острый период можно закрыть раньше, передам без ожидания. Писать мне не в личное. В регистратуру. Пока карта моя, я врач. Не мужчина, который уже знает, куда смотреть, когда вы краснеете.

— Я поняла, — сказала Ева.

Она встала. Запястье ныло честно. Щёки ещё горели. В коридоре пахло тем же мылом. Медсестра не подняла глаз: для неё это был обычный приём, и Ева была благодарна двери, которая не запиралась.

В лифте она посмотрела на фиксатор. Его пальцы она помнила точнее, чем инструкцию. Это было не лечение. Это было обещание, которое он дал не ей. Себе. И которое она только что не стала ломать.

Дома она не написала в клинику. Не потому что забыла. Потому что он просил не путать каналы, а она уже сказала «хорошо» и хотела, чтобы это слово дожило до дня, когда карта перестанет быть его.

Три дня. Потом ещё. Потом чужие руки на том же запястье, если он сдержит слово.

Она надеялась, что сдержит. Не как пациентка, которой нужен врач. Как женщина, которой нужен был мужчина, способный остановиться, пока дверь ещё открыта и за стенкой называют чужие фамилии.

Глава 2

Коридор

Снимок был чистый. Это ей сказали в регистратуре, сухо, как выдают талон: связки успокоились, фиксатор можно снять дома, ленту оставить на неделю. Ева вышла в коридор с рукой, которая уже почти принадлежала ей. Тугая телесная лента вместо белого пластика. Пальцы слушались. Боль осталась тенью, не хозяйкой.

Льва она не ждала. Повторный был у коллеги, которой он передал карту ещё вчера: короткое сообщение в личном кабинете клиники, без лишних слов. «Острый период закрыт. Дальше не я». Она прочитала это утром и почему-то обиделась на точность. Потом перестала. Точность была тем, за что она уже сказала «хорошо».

Он стоял у лифта без халата. Рубашка, тёмные брюки, бейдж в кармане, не на груди. Обычный мужчина, которого можно не узнать, если не помнить его пальцы. Она узнала сразу. По тому, как он не пошёл ей навстречу.

— Ева.

— Лев.

Лифт ехал сверху. Кто-то за их спинами говорил по телефону про анализы. Коридор не пустел никогда: это была не сцена, это была больница в три часа дня.

— Ленту не мочите два дня, — сказал он. Врачебное, по привычке. Потом поправил себя взглядом на её руку и больше туда не смотрел как врач. — Это уже не мой совет. Коллега вам всё написала. Я просто вижу, что вы без повязки.

— Видите.

Пауза. Лифт ещё не пришёл. Его руки были в карманах. Она отметила это так же ясно, как в первый день отметила, что он смотрит на запястье, не на декольте.

— Через десять дней вы не моя пациентка даже формально, — сказал Лев. Голос ровный, как тогда, про отёк. — Карта закрыта с моей стороны. Если захотите кофе, напишите на личный. Не в клинику. Не регистратуре. Если не напишете, я не спрошу. Ни на приёме, которого больше нет, ни здесь, если ещё раз столкнёмся у лифта. Это не игра в недоступность. Это чтобы вы выбирали не из кабинета.

— А если напишу раньше десяти дней?

— Не отвечу как мужчина. Отвечу, что рано. И буду прав, и вам это не понравится. Мне тоже.

Лифт открылся. Внутри двое: женщина с папкой и подросток в наушниках. Они вошли. Двери съехались. Ева встала к стене, Лев рядом, не напротив. Между его правой рукой и её здоровой левой было меньше ладони. Он не взял. Не сдвинул палец, чтобы коснуться костяшкой. Стоял так, будто расстояние тоже можно держать профессионально, хотя халата уже не было и карта уже не его, почти.

Её накрыло не от взгляда. От этого «не».

В кабине пахло чужим кофе и металлом. Подросток смотрел в телефон. Женщина листала бумаги. Никто не видел, как у Евы под платьем стало мокро от одной дисциплины: от мужчины, который мог бы коснуться здоровой руки в лифте и не коснулся, потому что сам себе поставил срок. Десять дней. Не девять. Пульс бил туда, где в первый день лежали его пальцы. Сейчас там была только лента и её собственная кожа.

Третий этаж. Женщина вышла. Подросток остался. Лев не повернул головы.

— Личный я не дам в коридоре, — сказал он тихо, чтобы наушники не стали свидетелями. — Если решите, он есть у коллеги, которой я вас передал. Она не посредник. Она просто знает, что я не хочу, чтобы вы искали меня через регистратуру. Спросите после десятого дня. Или не спрашивайте.

— Вы всё продумали.

— Я продумал, где мне нельзя быть врачом, который уже хочет. Остальное не продумано. Кофе может быть плохим. Я могу оказаться скучнее своих рук. Вы можете передумать на пороге. Это всё разрешено.

Двери открылись на первом. Подросток вышел первым. Лев пропустил её. На улице был серый свет, не киношный. Он кивнул, как кивают знакомым, и пошёл к стоянке, не оглянувшись. Руки снова в карманах. Она смотрела на спину и злилась уже заранее: на то, что он прав, и на то, что правота эта греет не меньше, чем могла бы погреть ладонь.

Дома она сняла туфли, не включила свет и легла поверх покрывала, не раздеваясь до конца. Платье она задрала сама. Ленту не трогала. Здоровой рукой провела там, где было мокро ещё с лифта, и закрыла глаза не на лицо, а на память о двух пальцах на пульсе в первый день: тепло, сухо, не ласка, проба. Потом на пустое место между руками в кабине, которое он не заполнил.

Она кончила быстро и зло. Не громко. В подушку, чтобы не слышать собственный звук как согласие раньше срока. После лежала и дышала в потолок. Тело было довольно. Голова нет.

Он был прав. Это бесило точнее любого отказа.

Десять дней. Она не написала коллеге. Не потому что не хотела номер. Потому что хотела дожить до дня, когда спросить будет можно, и чтобы это «можно» не пахло кабинетом, мылом и дверью, которую нельзя запирать.

Глава 3

Не пациентка

Коллега сняла ленту одним движением, будто снимала чужую привычку.

— Живите, — сказала она. — Рука ваша. Инструмент можно. Если заболит после долгой игры, не геройствуйте. И Льву не пишите в клинику. Он просил передать, что карта закрыта. Всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.